

К.К. Голохвастов

**Василий Гаврилович
Марин**

**и геройский подвиг,
совершенный им 13-го марта
1853 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

- К11 **К.К. Голохвастов**
Василий Гаврилович Марин: и геройский подвиг, совершенный им 13-го марта 1853 года / К.К. Голохвастов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 134 с.

ISBN 978-5-458-05531-4

Рассказы К. К. Голохвастова прославляют героические поступки знаменитых и неизвестных персонажей. Среди них оказался крестьянин Василий Марин, спасший погибающего во время пожара Большого театра. Описание первого периода Севастопольской обороны наполнено подробностями из жизни солдат и знакомит читателя с героями этой войны. Храбростью отличились матросы Петр Кошка и Игнатий Шевченко, командиры В. А. Корнилов и П.С. Нахимов, «первая сестра милосердия» Дарья Александровна и др.

ISBN 978-5-458-05531-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

даетъ русою окладистою бородою, безъ всякой сѣдины. Сѣдина эта не тронула даже и слегка полысѣвшей головы, въ противоположность его сыну Ивану Васильевичу, почти сѣдому, у котораго если бы не было посвѣжѣе лицо, то онъ казался бы гораздо старше отца.

Я, пишущій эти строки, нѣсколько лѣтъ знакомъ съ Иваномъ Марьинымъ, отъ котораго не разъ слышалъ рассказы про подвигъ его отца, но какъ я былъ обрадованъ, когда пріѣхалъ изъ деревни самъ старикъ, отъ котораго я уже лично могъ узнать всѣ подробности, ниже описаннаго его подвига, и потому смѣю надѣяться, если читателю приходилось когда-либо читать про Марина, то пусть свѣритъ, насколько вѣрнѣе приведенный здѣсь рассказъ въ сравненіи съ тѣми).

Въ 1853 году, 13-го марта, въ одной изъ пивныхъ, находящихся въ московскомъ Охотномъ ряду, сидѣло десять человѣкъ рабочихъ, среди которыхъ находился и только что пріѣхавшій изъ деревни крестьянинъ Василій Маринъ, тогда еще молодой тридцатилѣтній человѣкъ. 10 го марта, Маринъ покинулъ деревню Ивлево, (Шупецкой волости, Ярославской губерніи) въ которой оставилъ молодую жену и четверыхъ дѣтей, направляясь на работу въ посадъ Колпино, гдѣ онъ имѣлъ постоянное дѣло.

Думала ли, прощаясь съ нимъ, молодая жена, что съ этимъ отъѣздомъ ея мужа, произойдетъ нѣчто такое, которое сильно повліяетъ на всю послѣдующую ихъ жизнь.

Семья Мариныхъ и тогда еще считалась одной изъ достаточныхъ во всей деревнѣ, благодаря заработкамъ ея главы Василя, какъ тогда, такъ и по нѣкимъ дни отличавшагося честностью и трезвою жизнью, такъ что, всѣ заработанныя имъ деньги, не шли, на такъ называемые непредвиденные расходы, какіе бываютъ у людей любящихъ подъ часъ, послѣ грудовъ праведныхъ, трянуть мошною, и покутить въ развеселыхъ угольяхъ Питера и Москвы.

Съѣвъ въ тарантасъ, такъ какъ въ то время желѣзныхъ дорогъ было мало и только была еще одна недавно сооруженная Николаевская, Маринъ на третій день утромъ, т. е. 13-го числа въѣхалъ въ Москву. Посѣтивъ наскоро своихъ находящихся тамъ родственниковъ и знакомыхъ, Василій Гавриловичъ, въ сопровожденіи своего двоюроднаго брата Ивана Якимова, отправился въ охотный рядъ, гдѣ въ одной изъ портерныхъ, ожидали ихъ восемь человекъ земляковъ и однодеревенцевъ. До отхода поѣзда ждать еще долго было и Марину нужно было прокоротать время, да кстали и подѣлится съ земляками о деревенскихъ новостяхъ и передать кое какъ поклоны.

Беседа длилась до одиннадцати часовъ дня, причеиъ всѣ, исключая Марина, усердно опустошали бутылку за бутылкой. Вдругъ по улицѣ мимо того дома, гдѣ была пивная, звеня колокольчиками пронеслась пожарная часть.

Гдѣ то горить, сказалъ кто то.

Пожаръ и есть. Пойдемте глядѣть, братцы!

И теперь въ Москвѣ пожары не рѣдки, а тогда и недавно, благодаря скученнымъ постройкамъ; бывали не рѣдко случаи, что выгорали и цѣлые кварталы. Огъ того, нѣтъ ничего мудренаго, что при словѣ Пожаръ многие не на шутку перепугались, думая что не горить ли тамъ, гдѣ они жили.

Двое Мариныхъ и ихъ земляки, наскоро расплатившись и взявшись за шапки вышли на улицу.

Гдѣ горитъ? Спрашивали они у бѣущихъ къ мѣсту пожара людей.

А кто ихъ знаетъ! Отвѣчали тѣ на ходу.

Кто то сказалъ, что иригъ большой театръ, что вскорѣ и подтвердилось, такъ какъ передъ глазами Мариныхъ и ихъ товарищей, показался огромный столбъ красноватаго дыма, какъ разъ надъ дѣиъ мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ находиться большой московскій театръ. Пожаръ, повидимому, принималъ огромные размѣры.

Ишь какъ жарить! Говорили нѣкоторые.
Пожалуй и не отсгоять!

— Гдѣ тутъ! Гляди какъ пылаеть!

Они были уже на театральной площади. Передъ глазами Мариныхъ представилось рѣдкое и грандіозное зрѣлище: огромное каменное зданіе было все въ огнѣ, освѣщая собою кровавымъ заревомъ послѣднія зданія, толпы сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ народа и отражаясь на мѣдныхъ каскахъ суетившихся тутъ же пожарныхъ.

Отовсюду въ народѣ слышались оживленные толки о томъ, что будто въ театрѣ его рѣло много людей не успѣвшихъ во время выскочить отъ охватившаго ихъ пламени. Маринъ молча стоялъ и глядѣлъ на сильно разбушевавшуюся огненную стихію.

Вдругъ въ воздухѣ среди треска огня и общаго шума, послышался громкій, полный отчаянія крикъ.

Братцы! человекъ убился!

Гдѣ?

Съ крыши упалъ!

Ахъ сердечный... царствѣ ево небесное!...

Смотрите, тамъ еще двое!...

— Такъ и есть... Куда имъ дѣться теперь, вездѣ огонь!...

Маринъ взглянулъ на крышу, на то мѣсто, гдѣ только что разсѣялся клубъ дыма, и уви-

далъ тамъ безпомощно бросающихся изъ стороны въ сторону двухъ человѣкъ... Крыша была уже вся въ огнѣ и начали обламываться стропила. Несчастливымъ оставалось сдѣлать одно изъ двухъ: поступить такъ, какъ поступилъ первый изъ нихъ, т. е. броситься съ громадной высоты на площадь, или ждать своей участи, дабы провалиться сквозь эту пылающую крышу во внутрь зданія, гдѣ бушевало цѣлое море пламени...

Однимъ словомъ, несчастныхъ ожидала самая ужасная смерть въ двухъ родахъ: горѣть живыми въ огнѣ, или быть разшибленными, что говорится въ лебешку, при паденіи съ огромной высоты.

То были театральные плотники, очутившіеся въ такомъ отчаянно безвыходномъ положеніи, благодаря, слѣдующему несчастному случаю.

Загорѣлось въ машинномъ отдѣленіи театра, огонь изъ котораго быстро распространился въ верхнее помѣщеніе, по деревянной лѣстницѣ, гдѣ въ эту минуту работали трое плотниковъ.

Происходила рѣшетница какой то пьесы, во время которой случился этотъ пожаръ. Разсказывая это происшествіе со словъ г. Марьяна, мнѣ трудно сказать, какъ произошелъ пожаръ внутри театра, и всѣ ли благополучно спаслись присутствовавшіе тамъ артисты и про

чіе служащіе, мнѣ совершенно неизвѣстно, такъ какъ для описанія этого событія, другихъ источниковъ у меня подъ рукою нѣтъ, знаю только одно, что шлючники, работающіе въ верхнемъ помѣщеніи, увидавъ огонь, бросились было внизъ, но этотъ путь отступленія, былъ для нихъ отрѣзанъ горѣвшею лѣстницей, по которой пройти уже не было ни какой возможности и потому они бросились на чердакъ, надѣясь спастись на крышѣ, пропрыгнувъ туда черезъ слуховое окно. Подобно звѣрю, преслѣдовавшему ускользающую отъ него добычу, такъ преслѣдовало ихъ и пламя, устремившееся съ неимоверною быстротою, со всѣхъ сторонъ на крышу, постепенно отрѣзывая имъ путь къ спасенію.

Маринѣ и присутствовавшая на площади огромная толпа народа, войскъ и пожарныхъ видѣли уже предъ собою жертвъ, обреченныхъ на вѣрную гибель, и которыхъ нужно было во что-бы ни стало спасти. Но какъ это можно было сдѣлать? Зданіе было очень высокое, и пожарная команда хотя и была по тому времени во всѣхъ отношеніяхъ исправною, но у ней еще не было тѣхъ приспособленій, какія имѣются въ настоящее время, хотя и были огромныя лѣстницы, но не такія, которыя, могли хватать до крыши.

Между тѣмъ, каждая минута была дорога, потому что, языки пламени начали показы-

ватся у самых ног несчастныхъ, которыми уже положительно дваться было некуда. Вотъ въ одномъ мѣстѣ съ страннымъ грохотомъ провалилась и крыша, пустивъ къ небу дымяще облака искръ и дыма... Маринъ видѣлъ, какъ они, оставшись почти на стѣнкѣ, безпомощно прислонились къ трубѣ, причемъ одинъ съ полнымъ видомъ отчаянія, глядѣлъ внизъ...

Вдругъ, въ толгову Марина явилась блестящая мысль! Ихъ можно еще спасти, подпавшись къ верху по водосточной трубѣ! Самъ онъ былъ кровельщикъ, и не разъ приходилось прикрѣплять водосточныя трубы и лазить по нимъ. Быстро и въ короткихъ словахъ выразивъ свою мысль Ивану Якимову, онъ энергично бросился впередъ, ифотискиваясь сквозь толпу народа. Двоюродный братъ послѣдовалъ за нимъ.

Они двинулись уже къ цѣли, усердно рачищая себѣ путь плечами и кулаками, и скоро ощутились впереди сплошной стѣны народа. Маринъ вышелъ уже впередъ, какъ вдругъ видитъ онъ, что одинъ изъ двухъ плотниковъ моментально сорвался съ крыши и полетѣлъ внизъ... Народъ весь амнулъ, и тысячи шапокъ слѣли съ головъ, и тысячи рукъ сочтврлили крестное знаменіе по топибтемъ...

Почти у ногъ Марина, съ огромной высоты упалъ человекъ и лежалъ уже, въ видѣ неподвижной безформенной массы... Упалъ и

разбился на три части, какъ самъ потомъ рассказывалъ Василій Гавриловичъ.

Кто-то изъ городскихъ огородниковъ Марина назадъ, съ крикомъ, куда лѣзешь... И къ трупу подошли; полицеймейстеръ Лукинъ, и нѣсколько лицъ.

Надо спасти хоть того! кричали, въ толпѣ. Погибнетъ ни за грошъ!... Да, надо спасти и во что бы ни стадо...

Лѣстницы скорѣй! слышались приказанія.

Подавай сюда щитъ! кричалъ Лукинъ, скорѣй!

Начали развѣртывать огромный полотняный щитъ, на случай если послѣдній погибающій человѣкъ бросится внизъ.

Въ эту минуту Маринъ, молниеносно снималъ съ себя кафтанъ.

— Ты куда! крикнулъ на него одинъ изъ квартальныхъ, — пошелъ, прочь!

— Ваше благородіе! отвѣчалъ Маринъ, не спуская глазъ съ края ярыжи, на которой примостился шотландскій. Позвольте спасти челоуѣка... Сгинетъ въдь...

— Ступай, слуцай... нечего тутъ... обирай свои кафтанъ и шапку!...

Но всегда скромный и исполнительный Маринъ, на этотъ разъ шею виновался грѣху начальства. Онъ вицѣль, предъ собою православнаго челоуѣка, который вотъ-вотъ погиб-

нетъ, какъ и тѣ двое, безъ покаянія, а послѣ него можетъ быть останутся жена и дѣти... О себѣ въ эту роковую минуту, онъ и не думалъ.

Позвольте вамъ благородіе, ради Истиннаго Бога! умолялъ онъ, не обращая вниманія на то, что одинъ изъ городовыхъ напяливалъ на него снятый кафтанъ.

Подошелъ и московскій полиціимейстеръ Лужицъ.

Что нужно этому человѣку? спросилъ онъ. Хочетъ спасать тогò плотника, сказали ему.

Ишь, что выдумалъ? отвѣтилъ Лужицъ. Тутъ и почини тебя не могутъ справиться... Преходи любезный, преходи... А будешь упираться, въ часть отправятъ.

Но Маринъ продолжалъ «упираться» со слезами на глазахъ, онъ началъ увѣрять всѣхъ, что спасти его можно, и такъ далѣе, но всѣ мольбы его и убѣжденія были бы напрасны, если бы къ нимъ въ эту минуту, не подошелъ бывшій тутъ флигель-адъютантъ Его Величества. (Должно быть самъ Господь его послалъ, какъ потомъ поворилъ миѣ Василій Гавриловичъ).

На его вопросъ, полиціимейстеръ объяснилъ упорное намѣреніе этого крестьянина, идти самъ мому на встрѣчу смерти, что-бы спасти погнѣбающаго и флигель-адъютантъ, подойдя къ Маринѣ, спросилъ его.

Твой поступокъ похваленъ самъ по себѣ, но какимъ способомъ ты снимешь его съ крыши?

По трубѣ ваше превосходительство, — отвѣпль Маринъ видя передъ собою лицо, какъ ему показалось высокаго чина.

— Какъ это по трубѣ?

По водосточной-сѣ... По ней влѣзу на крышу, сѣ веревкой-сѣ... а тамъ значитъ привязавши къ дымовой трубѣ, можно будетъ обоимъ спуститься внизъ... обратился онъ умоляющимъ голосомъ къ Лужину.

Этотъ простѣйшій способъ, помощи погибающему, показался на столько лучшимъ, что флигель-адъютантъ, сказавъ обращаясь къ Лужину:

— Дозвольте ему, пусть дѣлаетъ доброе дѣло.

И когда Лужинъ началъ возражать ему, что вмѣсто одного могутъ погибнуть двое, за что онъ, какъ допустившій это, можетъ отвѣтить то флигель-адъютантъ, сказавъ на это.

— Пусть идетъ. Я самъ отвѣчу за него.

Дозволеніе было дано и Маринъ бросивъ свой кафтанъ на руки близъ строяшаго городского, побѣжалъ жь пылающему театру.

Толпа заволновалась видя какъ человекъ, не смотря на бывшій въ тогъ день сильный морозъ бывши въ одной рубашкѣ, началъ вы-